

Леонид ГАЛИНСКИЙ

— Сейчас, когда имя прозаика, поэта, публициста Виталия Коротича хорошо известно, хотелось бы узнать, с чего все начиналось. И еще: мне помнится ваше выступление почти сорокалетней давности в киевском «Октябрьском» дворце в компании с уже известными поэтами Иваном Драчем и Николаем Винграновским. Тогда вас представили как студента-медика. Карьера врача так и не состоялась?

— Это было удивительно — удивление это и благодарность судьбе я сохранию на всю жизнь. Потому что в годы молодости судьба на короткое время оказалась милостива ко мне и к целому поколению. Об этом уже много написано, но повторю: мы сумели протиснуться в малую щелочку, открывшуюся в монолите советской жизни после хрущевского XX съезда партии с его антисталинским секретным докладом (доклад был до того секретен, что, когда в середине 80-х я добывался его в ЦК, мне говорили, что нет такого текста, это, мол, устный экзерсис Никиты Сергеевича). В моей и моих сверстников жизни многое определялось тем фактом, что поколения наших отцов и дедов были перепажаны репрессиями, войной, бедой. Ведь если задуматься, то мои литературные одногодки могли бы нормально общаться с Гумилевым и Набоковым, Бабелем и Мандельштамом, Корниловым и Замятиным. Но наши учителя были силой удалены из жизни, понятие литературных школ было пущено в расход, а мы, в общем, оказались не на своих местах в негласной иерархии, став с начала 60-х едва ли не главными авторитетами родимой словесности, довольно преждевременно и шумно. Велі мы себя довольно нахально, не испытывая никакого профессионального уважения ко всем Софроновым и Грибачевым, назначенным нам в учителя властью. В конце 50-х годов появились первые мои публикации в периодике, затем книги, переводы на иностранные языки (в течение неполных двух лет мои стихи вышли в переводах на французский и английский, даже на португальский в Бразилии), доброжелательные рецензии уважаемых поэтов. Первые мои публикации немедленно отреценизировали в уважаемых газетах Максим Рыльский на Украине, Назым Хикмет и Борис Слуцкий в Москве. Казалось, что порядочные старики заждались нас, они спешили организовать совместные вечера, хвалили нас где только могли, видели в нас как бы воскресение своих испепелившихся надежд. Даже хула, рушившаяся на нас со стороны ревнителей железобетонной словесности, ничего не могла изменить по сути. Обстоятельства сжали нас вместе, сблизили, спрессовали, даже начальственные порки, устранившиеся время от времени, ничего уже изменить не могли.

— Но мы несколько отклонились. Как все же медик переродился в поэта? Ваши друзья детства утверждают: вы мечтали стать врачом.

— Я происхожу из семьи беспартийных ученых-медиков. Мои родители были достаточно авторитетны в своей профессии и приучали меня к мысли о независимости настоящей специалитета в любой системе. Вообще вера в то, что человек должен быть самоценен, поддерживалась у нас в семье всячески. Я рано начал изучать иностранные языки, много и напроваленно читал. Все это пригодилось в дальнейшем. «Врач — он и в тюрьме врач!», — говаривал мне отец на всякий случай, вовсе не предполагая, что я окажусь в тюрьме. Так или иначе, я окончил с отличием медицинский институт, начав широко публиковаться еще в студенческие годы как поэт. Моя карьера врача была очень короткой, пятилетней. Уже в середине шестидесятых меня, беспартийного, избрали секретарем правления Союза писателей Украины и членом правления Союза писателей СССР. Через четыре года я, правда, был изгнан со всех должностей, но начало, надо сказать, было бурным.

— Насколько могут судить те, кто знаком с вашим творчеством, на этой ниве вас скорее подстерегали шипы, нежели розы. Был период, когда писатель Коротич вообще считался опасным для режима. Вас не печатали, запрещали выпускать в эфир. Угодные партийным бонзам критики поминали вас в лучших традициях советской власти. Как вам жилось «под колпаком» недреманного ока?

— Интересно, что переполненный несогласием с очень многим в окружающей жизни, я никогда не стремился принадлежать к организованной оппозиции. Мне казалось (и не без оснований), что зачастую в «оппозиционных толковищах» бывало больше стукачей и чинодралов от противного, чем борцов и милых идеалистов. На Украине националистические кружки меня не привлекали никоим образом. С молодости во мне живет отвращение к лоббому национализму как извращенному, доведенному до истерии патриотизму. В то же время я никогда не подписывал ни одного письма в осуждение тех, кого люблю терпеть не могли, — ни против националистов, ни против кого угодно. Даже если я с этими людьми не соглашался. С молодости и до сих пор считаю, что человек имеет право исповедовать любую систему взглядов, лишь бы она не предполагала уничтожения всех, кто мыслит иначе, чем ты. Впрочем, вокруг меня никогда не было оппозиции, привлекавшей мысли и сердце. Мои конфликты с властями держались не на декларациях, а на том, что я попросту делал то, что сам считал правильным, не советуясь избыточно ни с кем. В стране царилла казенная «дружба народов» с декадными фестивалями объятий и многоязыкими пьянками вокруг богатых столов. У меня же формировались собственные неформальные круги этой дружбы. Я месяцами с конца 60-х годов (особенно после того, как меня выперли из всех начальственных кабинетов) жил в Москве, Латвии, Грузии. У меня выходили книги в Прибалтике и

на Кавказе даже тогда, когда в Киеве их не публиковали. Вместе с латышским поэтом Имантом Зиедонисом мы написали книгу о Таджикистане, которая переводилась на несколько языков, но никогда, например, не была полностью издана на украинском. Я много ездил на российский Крайний Север, на Сахалин, Колыму, меня произвели в почетные граждане грузинского города Кутаиси. Верные и искренние друзья всегда были у меня в Москве. Не знаю, как кто, а я создал собственную инфраструктуру дружбы народов, которая не нарушилась и теперь. К праздникам получаю много поздравлений из Латвии и Эстонии, а работая в Америке, организовал там целую кампанию в защиту современной независимой Грузии против националистов, сторонников Гамсахурдия, пбывавшихся распространить в прессе нелепое вранье о своих оппонентах...

— Такая, как было принято раньше говорить, ваша «гражданская позиция» воспринималась властями, мягко говоря, неоднозначно. Вас искусственно отрывали от естественной среды обитания». В Киеве верные партии и режиму товарищи по перу» даже считали Коротича чужаком...

Виталий Коротич:

Я учу свою собаку не гавкать по пустякам...

Без, Москва, - 1998. - 19 окт. - с. 2

Ах, какой это был замечательный журнал! Даже его сотрудникам не всегда удавалось стать обладателями экземпляра, только что отпечатанного в типографии. Чтобы заполучить свежий номер, надо было вовремя записаться у секретаря главного редактора Танечки. А читатели ранним субботним утром выстраивались в очереди у киосков «Союзпечати». За считанные минуты журнал исчезал с прилавка. Читательский успех объяснялся просто: каждый номер вмещал столько интересного, касался таких тем, которые до этого считались запретными. «Огонек» игнорировал запреты, был первым, кто их «не замечал». Сегодня тогдашний главный редактор журнала Виталий Коротич отвечает на вопросы «Вечерки».

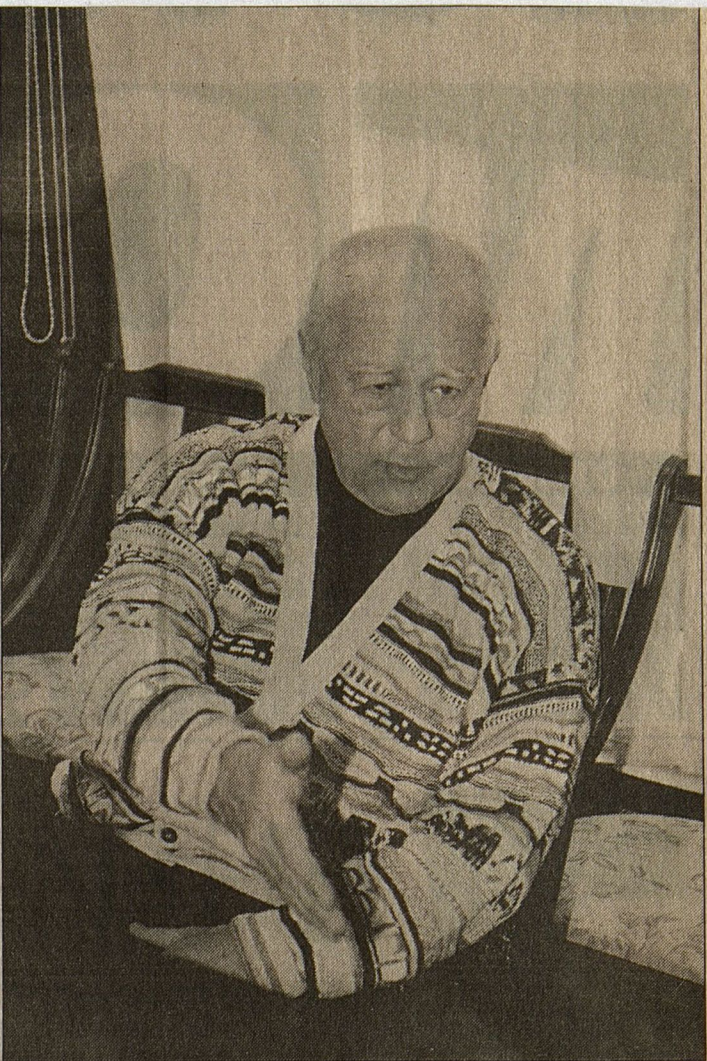
— И тем не менее во многом мое человеческое и творческое выживание стало возможным благодаря тому, что я никого не предавал и меня не заглажи в одиночество. А то, что поносили и склоняли, — дело житейское. Я никогда не был профессиональным «мучеником», не признавал никаких догм и не мылился в «старые большевики» никакого разлива (имею в виду людей, которые требуют вознаграждения за свое несогласие с давно свергнутыми властями). Просто жил так, как считал правильным. Недавно в Киеве я встретился с Леонидом Кравчуком, первым президентом Украины, одним из соавторов развала Советской страны, а некогда заведующим отделом пропаганды украинского ЦК, который опекал нас, пишущую братию, и всячески карал за идейное непослушание. Мы поговорили о том, как время меняет людей, и Кравчук признался, что со мной было легче, чем со многими, потому что я всегда был понятен. Был очерчен круг проблем, с которыми ко мне нечего было и соваться. И было известно, что именно я могу поддержать. Так что меня просто не трогали без толку, предвидя мою реакцию в большинстве случаев. Вообще я очень люблю невербальных и предсказуемых людей — всю жизнь сам старался таким быть. А то, что иногда запрещали выступать, рассылать книги, публиковать ругательные статьи — за все надо платить. А за собственное достоинство — больше всего.

— В 80-е годы вы, уже маститый писатель, главный редактор популярного украинского литературного журнала, принимаете решение

возглавить «Огонек». По существу, вошли в воду, можно сказать, не зная бродя. Да и Москва также «не поняла» назначения, дескать, и здесь пруд пруди желающих. Почему все-таки выбор пал на вас?

— Меня много раз приглашали в Москву. Здесь был довольно устойчив не только мой писательский или человеческий авторитет, не только издавались мои книги. У меня супруга москвичка, я по работе бывал в этом городе едва ли не ежемесячно в течение почти сорока лет. Когда возникла идея с «Огоньком», вначале ее «раскручивали» без меня, и только однажды вождь украинских большевиков Щербицкий спросил, что это я намылился в Москву? Тогда со мной еще официально не говорили, и я только пожал плечами.

Знаю, что обо мне разговаривали со многими московскими писателями, и те называли меня в качестве редактора для «Огонька», независимо друг от друга. Покойный Роберт Рождественский много рассказывал мне об этом. Интересно, что моя демонстративная независимость, неввязанность в кучки и группировки тоже сыграла свою роль. После первых моих отказов от перехода в «Огонек» (я объяснял их обычно личными причинами) меня вызвал для беседы Егор Лигачев, ведущий

Владимир Гердо

для его редактора был материал следователей по «узбекскому делу». Кажется, за него рассерженный генсек поднял вас к микрофону на всеобщей партконференции. Может, вспомните «для истории» и о других похожих коллизиях?

— Сенсаций было много. Мы сами их находили, и сами брали на себя ответственность за публикации. Иногда брали на себя ответственность и за отказ от публикации. Например, в первый свой огоньковский рабочий день я обнаружил под стеклом на письменном столе лист бумаги с указанием днй рождения всего начальства. Там же было указано, кому ко дню рождения надлежит давать портрет в цвете, а кому черно-белый. Я позвонил в общий отдел ЦК и спросил, было ли постановление по этому поводу или это инициатива моего предшественника. Ответ был гениален: «Решения инстанции по этому поводу не было, но и возразений ни от кого не поступало». Я прекратил печатать портреты. Обошлось. В другой раз было вот что. Писатель Г. Марков, которому присвоили второе звание Героя соцтруда, лично открыл бюст в свою честь и домик-музей имени себя на родине. Ехидная Наталья Ильина написала нам фельетон по этому поводу. «Правда» через день после публикации фельетона обнародовала сочинение писателя А. Салуцкого, разоблачившего наши происки против дважды героя. Мне было дано указание немедленно перепечатать «правдинскую» статью без комментариев. Я отказался и смог убедить А. Яковлева, что не надо сориться, потому что все равно не напечатают. Так же было непорочно, но мы сняли с обложки и орден Ленина, и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», ликвидировали партийную организацию в «Огоньке». Много чего делали...

Что касается «узбекского дела», то материал о нем пошел в журнал без должной проверки: как бывает во многих коллективах, мой заместитель очень уж торопился мне «удружить». Но я ни на кого не ссылаясь — журнал подписан был мною, мне и отвечать. На 19-й всеобщей партконференции создавали специальную комиссию по расследованию моих проделок, тогда же авторы статьи следователи Гдьян и Иванов честно передали мне все следственные материалы (что тоже было не шибко закононо), и я с трибуны, куда меня вытолкнули гневные большевики, вручил папку М. Горбачеву. Самое грустное, что в итоге не произошло ничего. Уже начиналась новая эпоха, можно было писать о чем угодно, но все без толку. Эпоха эта в основном продолжается до сих пор.

— Ваш уход из «Огонька» уже оброс слухами. Вы ведь по факсу из Штатов передали заявление в редакцию с просьбой об отставке, хотя знаю, что у вас уже был билет на рейс Нью-Йорк — Москва. Что, испугались кремлевских путчистов?

— Я очень устал. Шел шестой год моей работы в журнале. Были сдвинуты горы. В нескольких странах обо мне вышли книги, американские редакторы и издатели (что им о-очень трудно дается) впервые признали российского редактора лучшим редактором мира. Я получил несколько престижных

международных премий. Семья мною была заброшена напрочь, дети получили школьные аттестаты зрелости, но учились неведомо чему и кое-как. В это время один за другим зарубежные университеты начали предлагать мне преподавательские места. В «Огоньке» все было ясно, времена менялись, власть все больше сосредотачивалась вокруг новых людей. Всякая революция, как известно, состоит из двух частей: собственно революции с борьбой за романтические идеалы и дележки завоеваний. В дележке я был явно слабее многих. Да и противно было толкаться локтями у кормушки. Я начал переговоры с несколькими университетами в Штатах. Почти договорился в Нью-Йорке и тут получил гораздо более симпатичное предложение из Бостона. Там один из самых престижных университетов страны предложил мне не только профессорское место на год, но и бесплатные студенческие места для сыновей. Я согласился.

А за неделю с небольшим до начала учебного года в Москве приключился путч. Я был в Нью-Йорке и выступал там по всем теле- и радиоканалам, понося хунту. Ехать в Москву не имело смысла: если путч был всамделишным, меня бы взяли в аэропорту. Позже «Аргументы и факты» объявили, что ордер на мой арест был под номером 54, у Ельцина было что-то вроде 57. Если же путч был ненастоящим, то и дергаться не стоило. С журналом я договорился, меня пламенно поблагодарили, опубликовали большое письмо по этому поводу и устроили большой прием, когда я прилетел сдать дела. Я начал преподавать в Бостоне, дети принялись за изучение бизнеса и менеджмента на соответствующем факультете. Через год в Москве были превращены в труху все наши сбережения, а в Бостонском университете я тем временем оказался одним из самых популярных преподавателей. Мне повысили зарплату и предложили продлить контракт.

Сыновьям Америка надоела, они возвратились доучиваться бизнесу в Москву, а я остался в Штатах в общей сложности на семь лет. Два года я, кроме Бостона, преподавал еще в университетах других штатов, в Австралии, летая постоянно туда-сюда. Затем устал и начал отказываться от избыточных предложений. В общем, чего-то достиг, стал «полным профессором», был избран в одну из американских академий, написал учебное пособие для студентов. У детей в Москве (тыфту) все шло нормально, семья была в порядке, мое заморское пребывание теряло смысл, и я решил возвратиться. Это мой личный выбор, с моей личной мотивировкой, как всегда. Я прекрасно ощущаю и знаю, что российскому государству на меня наплевать: здесь российских академиков девать некуда, не то, что американских...

— Не собираетесь ли возвратиться в большую жизнь здесь, в Москве?

— У меня много предложений для работы, заказаны книги из той же Америки, из бывшего Союза. Даже на Украине меня нежно вспомнили, предложили вести телевизионное ток-шоу и консультировать газеты. Из России, понятное дело, ничего особенного не последовало, но мне и не надо. Я остаюсь самим собой и с огромным удовольствием живу в Москве или под Москвой, обучаю свою собаку не гавкать по пустякам и читаю умные книги. Мне очень хорошо в кругу моей семьи и в кругу моей Москвы. Родина — великое понятие, вовсе не тождественное с понятием государства. Государство — политическое устройство на Родине, вот и все. По сути, это доильный аппарат, навешенный на Родину. И задача граждан — проследить, чтобы государство не выпивало удоев самостоятельности, надо учить его делиться. Но это уже — другой разговор.

— Какие мысли навевают на вас год двухтысячный?

— Вы о президентских выборах? Знаете, не люблю прогнозов, но если в них примет участие и московский мэр, я бы очень хотел видеть его на финише первым. У Юрия Михайловича, как это очевидно, достаточно веские основания занять пост главы государства. А Москва ныне для России — пример особо заразительный...

Коротич Виталий

19. 10. 98